

Польская Светлана Анатольевна

"...ПРОСЛАВЛЕНО И ОСВЯЩЕНО ВЕЛИЧИЕ ДАВИДОВО...": ВЕТХОЗАВЕТНЫЕ КОННОТАЦИИ ОБРАЗА ВЛАСТИ В КОРОНАЦИОННОМ ORDO ФРАНЦУЗСКОЙ МОНАРХИИ 1364 Г.

Статья посвящена анализу коннотаций образов царей и пророков Ветхого Завета в протоколе инаугурационной церемонии французской монархии на примере коронационного ordo Карла V 1364 г. с целью исследования формирования Церковью потестарной модели высшей политической власти и ее объективной трансформации в условиях Столетней войны. Особенностью ordo 1364 г. выступает наличие инаугурационного протокола королевы, чей образ также опирается на ветхозаветные архетипы: их наличие является предметом изучения в данной статье.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 1. С. 139-142. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(44).025

Исторические науки и археология

*Статья посвящена анализу коннотаций образов царей и пророков Ветхого Завета в протоколе инаугурационной церемонии французской монархии на примере коронационного *ordo* Карла V 1364 г. с целью исследования формирования Церковью потестарной модели высшей политической власти и ее объективной трансформации в условиях Столетней войны. Особенностью *ordo* 1364 г. выступает наличие инаугурационного протокола королевы, чей образ также опирается на ветхозаветные архетипы: их наличие является предметом изучения в данной статье.*

Ключевые слова и фразы: Ветхий Завет; коронационный *ordo*; Карл V; ритуал; инаугурационная церемония; образ власти.

Польская Светлана Анатольевна, к.и.н., доцент
Северо-Кавказский федеральный университет
polskaya-sa@yandex.ru

**«...ПРОСЛАВЛЕНО И ОСВЯЩЕНО ВЕЛИЧИЕ ДАВИДОВО...»:
ВЕТХОЗАВЕТНЫЕ КОННОТАЦИИ ОБРАЗА ВЛАСТИ
В КОРОНАЦИОННОМ *ORDO* ФРАНЦУЗСКОЙ МОНАРХИИ 1364 Г.**

Правление Карла V Валуа ознаменовано целым рядом значимых для Французского королевства событий Столетней войны, сопровождавшихся серией внутренних реформ. Однако не менее важными представляется те изменения, которые были внесены в трактовку образа короля и его публично-правовых функций, общий смысл которых оценивается как усиление последних. Эта трансформация нашла отражение в целом ряде документов, в том числе и в сохранившемся в целом ряде копий [9; 10] коронационном чине – *ordo* 1364 г. Составленный к инаугурации Карла и его супруги Жанны Бурбонской (это событие будет иметь место 19 мая 1364 г. в Реймском соборе Нотр-Дам), он зафиксировал в том числе и протокольную часть процедуры, сопровождавшейся литургией. Содержание последней вкупе с протоколом дает возможность проследить понимание образа монарха, постепенно проходящего все стадии инаугурации и превращающегося из претендента на престол в легитимного посвященного христианнейшего короля.

Достаточно значимое место в трактовке этого образа занимают молитвы, произносимые посвящающим прелатом архиепископом Реймским, прочими священнослужителями и хором собора. Именно эти *oratores* содержат своего рода программу предъявляемых к монарху требований, и определенную роль в них играют коннотации к ветхозаветным образам пророков, царей и героев как архетипов для восприятия фигуры французского монарха второй половины XIV века.

Данная проблема, а именно ссылки на сюжеты и максимы Ветхого Завета, достаточно опосредованно выступает объектом исследования [3; 4; 7; 8], что актуализирует ее в свете общего интереса зарубежной и отечественной медиэвистики к сюжетам политического ритуала, семантики и теизации власти, всего спектра форм ее репрезентации.

Возвращаясь к содержанию *ordo* 1364 г., отметим, что первый ветхозаветный мотив звучит здесь достаточно рано. Уже в начале инаугурации, когда, как указывает рубрикатор, «Король следует в собор с двумя пэрами Церкви», двум последним, епископам Лана и Бовэ, предписывается вести монарха «под пение каноников, исполняющих ”Вот, я посылаю ...“» [10, р. 239]. Здесь имеет место прямая отсылка на начальный стих Евангелия от Марка: «Как написано у пророков: вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою» (Мк. 1:2). Примечательно, что эта молитва не выступала чем-то исключительным в инаугурационной литургии, а являлась типичным гимном для торжественной встречи знатных особ в монастырях и церквях [1, с. 120]. Важно другое – коннотация на замыкающую Ветхий Завет «Книгу Малахии»: «Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо мною, и внезапно придет в храм Святой Господь, Которого вы ищете, и Ангел завета, Которого вы желаете; вот, Он идет, говорит Господь Саваоф» (Мал. 3:1).

Но дальнейший порядок уточняет: «Закончив пение, хор произносит: ”Израиль, если ты слышишь ...“» [10, р. 239], т.е. стих Псалмов: «Израиль, если ты слышишь меня, не будет нового Бога в тебе, не будешь ты поклоняться Богу иному, а Господу» (Пс.: 80:9). Обращает на себя внимание пояснение составителей: «Эти молитвы не содержат ничего, кроме королевских обязанностей» [Ibidem], что указывает на максимально сакрализованное понимание статуса христианнейшего короля, чья инаугурация, с одной стороны, означает теизацию его власти практически по прямой аналогии с Иисусом Христом как Царем Небесным и обязанности пастыря как царя земного – с другой.

Далее протокол обращается к сюжетам Ветхого Завета уже в момент вручения и благословения первой из королевских регалий – меча. Поскольку он являлся знаком исключительно светской, воинской власти, то сопровождающая молитва, среди прочих наставлений, не может обойти образ царя Давида: и стих его 44-го псалма «Хвалебная песнь Помазаннику Божию и Его невесте»: «Препояшь себя по бедру мечом твоим, Сильный, славою Твоею и красотою Твоею» (Пс. 44:4): «И помни о том, что Псалмопевец пророчествовал, говоря: “Опяшь свои бедра мечом, о, могущественный, своим величием и великолепием”» [Ibidem].

Заметим, что традиция ссылаться на Псалмы в ходе богослужения восходит к раннему Средневековью и окончательно сложилась в течение XII в. [4, р. 544], став основой целой системы распределения упоминаний отдельных стихов на мессах в течение всей недели [Ibidem, р. 546-549].

Образ короля-воина и защитника, получившего меч от Церкви для праведной войны, не ограничивается напоминанием о Давиде (хотя в данном случае мы имеем почти полное совпадение с архетипом), но настаивает на благословении Божьем, на проявлении к мечу божественной благодати, которая снизошла еще на ветхозаветных праотцов: «Традиционно над королевским мечом... архиепископ произносит молитву “Смотри, Всемогущий Боже...”» [10, р. 242], что является началом обращения: «Смотри, Всемогущий Боже, на этого славного короля (имя), и как Он благословил Авраама, Исаака, дай ему благословения благодати» [9, col. 30].

Однако наиболее полный «перечень» содержит молитва, сопровождающая посвящение короля: «Всемогущий и вечный Бог, Творец и Правитель Творца неба и земли, ангелов и людей, Царь Царей и Господь всемогущий, тот, с верой в кого Авраам победил врагов своих; Моисей и Иисус (*Навин – С. П.*) принесли победы для народа своего; покорный слуга Давид встал во главе царства, спасся от пасти льва, лап чудовища Голиафа, как и от разящих мечей Саула и всех его врагов; тот, кто дал Соломону богатство невыразимой мудрости и покоя: будь снисходителен к нашим смиренным молитвам за раба Твоего (имя), к смиренной преданности короля этого королевства, коего мы избираем вместе, благословения Твои преумножат дары, сила Твоей десницы всегда окружает его: Авраам сказал, что вера делает сильнее, опираясь на кротость Моисея, волю Иисуса (*Навина – С. П.*), возвышенное смирение Давида, красоту мудрости Соломона, пожалуй ему все это, и проведи по пути справедливости, которая когда-нибудь настанет, а затем для всех людей настанет Царство Божье, научи его править Своими указаниями и сбереги против всех видимых и невидимых врагов ...» [4, р. 243-244].

К требованиям соответствовать достоинствам (которые восходят, в свою очередь, к провиденциальным) пророков Авраама и Моисея, воителя Иисуса Навина и царей Давида и Соломона добавляется кульминационная позиция молитвы во время самой сакральной части инаугурации – помазания короля Священным Елеем. Мобилизуя этот аргумент, *ordo* предписывает: когда «Во время помазания помощники поют этот гимн: “Садок священник и Натан пророк помазали Соломона царем Сиона, и они пришли со словами: “Да здравствует король вечно”» [Ibidem, р. 244], что можно уточнить как: «И пошли Садок священник и Нафан пророк...; и посадили Соломона на мула царя Давида, и повели его к Гиону. И взял Садок священник рог и елеем из скинии, и помазал Соломона» (3 Цар. 1: 38, 39).

Подобные аналогии сопровождают всю дальнейшую процедуру вручения королевских регалий и одежд. Так, надеванию перчаток сопутствуют следующие действия и молитва: «И архиепископ окропляет перчатки святой водой, а затем надевает их на руки короля, произнося: “Вокруг рук Господа раб твой (имя), чистый, как новый человек, сошедший с небес. Так руки возлюбленного отца Иакова приняли пищу и питье из покрытых шкурами рук детей своих, дабы получить благословение его. Так и Господь наш Иисус Христос в подобии греховной плоти приносит тебе (*благословение – С. П.*). Аминь“» [Ibidem, р. 245-246]. Упоминание сюжета об Иакове есть не что иное, как библейская история Исаака и его сыновей Исава и Иакова, согласно которой Иаков, «человек гладкий», надел козлиную шкуру, выдал себя за Исава, «человека косматого», и обманом получил благословение отца и все права первородства (*Быт. 27:1-30*).

Не менее замысловата в поисках тождества и процедура вручения жезла: «Сразу же (*архиепископ – С. П.*) вручает ему (*королю – С. П.*) жезл в левую руку и произносит. “Прими силу и мощь, которую можешь постичь, и т.д.”» [Ibidem, р. 246]. Более пространное издание *ordo* приводит текст молитвы полностью. Она практически полностью посвящена образу Давида – точнее, трактовке Псалмами жезла власти. «Прими силу и мощь, которую сможешь постичь. Будь источником добродетели и грозой преступлений. <...> У Давида сказано: Всякий человек открывается и закрывается, закрывает и не открывает. Он тот, который вывел заключенных из тюрьмы, сидя в темноте и в тени смерти, чтобы во всем достойно следовать за ним (“Ибо враг преследовал душу мою, смирил до земли жизнь мою, посадил меня в темноте, как от века умерших”. (*Пс. 142: 3. – С. П.*)). О чем пророк Давид пел: Престол Твой, Боже, во веки веков (“Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня” (*Пс. 22:4 – С. П.*)). “Престол Твой, Боже, вовек; жезл правоты – жезл царства Твоего” (*Пс. 44:7 – С. П.*). Вот каков королевский скипетр. И сказал он ему, и возлюбил справедливость и возненавидел беззаконие, поэтому Бог, помазал тебя елеем (“Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих. Все одежды Твои, как смирна и алой и касия; из чертогов слоновой кости увеселяют Тебя“ (*Пс. 44:8-9. – С. П.*)). Как он помазал сначала Иисуса и его сотоварищей, среди которых Христос, Господь наш (“Я помазал Царя Моего над Сионом, святою горою Моею; возведу определение: Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя; проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе; ты поразишь их жезлом железным; сокрушишь их, как сосуд горшечника” (*Пс. 2:6-9 – С. П.*) [9, col. 35]).

Даже по завершении коронации архетип Давида не сходит со своих дидактических позиций. Молитва просит: «И благослови, как прославлено и освящено величие Давидово держать скипетр власти и одарять обретенной милостью» [Ibidem]. Однако при определении наследственного статуса Французского королевства более уместными, по замыслу составителей *ordo*, выглядят ассоциации с обретшим для своего народа землю Моисеем: «Господь, чья длань укрепляла молитву Моисею. Того святого, который невзирая на старость, постоянно боролся. Неправедный Амалек (*царь амаликетян, враг Израиля, разбит в Рефидиме Иисусом*

по благословию Моисея (Исх. 17:6-16) – С. П.) так им побежден. Пока не покорил (Моисей – С. П.) все неправедные народы. Изгони иноземцев, в рабство захвативших многие владения твои...» [Ibidem, col. 40]. В контексте Столетней войны, ход которой именно в правление Карла V склонялся на сторону Франции, подобные пожелания оказываются более чем уместными и подытоживающими образ короны, тем более что ниже обращений к ветхозаветным сюжетам применительно к инаугурационной литургии не встречается.

Но они имеют место в посвящении королевы. Как уже упоминалось выше, супруга Карла V Жанна Бурбонская была коронована вместе с мужем. Произошло это спустя несколько недель после свадьбы, имевшей место в апреле 1364 г. [2, p. 76]. *Ordo* 1364 г. приводит текст инаугурации королевы сразу после посвящения короля, что дает возможность полагать, что такова была и реальная очередность церемоний. Однако это не первый опыт формирования такого рода протокола: еще в правление Карла IV Красивого была написана так называемая «Коронационная книга Карла IV и Жанны д'Эвре» [5; 11], корона которой, хранящаяся в сокровищнице аббатства Сен-Дени, долгое время служила для посвящения королей [6, p. 13].

Что касается ветхозаветных мотивов образа королевы, то в данном случае бесспорным эталоном выступают Юдифь и Эсфирь, а уже затем – Сара, Ребекка, Рахиль и Лия. Упоминание о последних максимально схоже с процедурой литургии во время отправления таинства венчания. Так, для королевы Церковь просит: «И соедини вместе с Сарой, Ребеккой, Лией, Рахилью, с блаженными и почтенными женщинами, благослови чрево ее и даруй заслуженную радость» [9, col. 41-42] и наставляет: «Господь дарует тому власть правления, защиту величия, мудрость, благоразумие и избилующую рассудительность, веру и благочестивую опеку, как заслужено и утверждено благословение во имя Сары, видной и плодоносящей как Ребекка...» [Ibidem, col. 43-44]. Но тут же добавляет: «...защищающей пороки от всякого зла как Юдифь» [Ibidem, col. 44].

Героическая фигура Юдифи, убившей ассирийского военачальника Олоферна (*Иуд.* 10-13), неоднократно упоминается в литургическом сопровождении посвящения королевы, требуя от нее таких же качеств воительницы: «Вечно всемогущество Господне, который есть источник всякой благодати, не осуждает женскую слабость, а милостиво одобряет достоинство. И что есть слабое в мире, выбирает сильное, дабы объединить все, что также являет триумф славы Твоей в руках Юдифи, после того как захотела народ еврейский освободить от жестокого врага, взгляни, внемли смиренным мольбам нашим. И пред Тобой раба Твоя (имя), коя преданно молит принять правление ее, преумножить его благословением Твоим, властной десницей Твоей всегда и везде, и защиты Твоей отовсюду, иначе укрыть в борьбе с врагом видимым и невидимым с триумфом победить его» [Ibidem, col. 41-42].

Вторым по значимости образцом выступает Эсфирь, сумевшая добиться защиты своего народа у своего царственного супруга Артаксеркса (*Есф.* 5-8): «Как царица израильская Эсфирь своим правлением ослабила оковы плена. Ассирийское ложе, примыкающее к власти, послужило соучастию в своем народе. Так и смиренная раба Твоя получает наше христианское благословение благодатью, дабы быть достойной спасения» [Ibidem, col. 42].

Вручение жезла королеве также сопровождается упоминанием об Эсфирь: «Господь вечно всемогущий, да избилжны духом будут благословения над рабой Твоей, о которой мы молимся в сердцах своих, которая через возложение рук наших дней становится королевой, достойной освящения Твоего и избранной пребывающей, как никогда впоследствии, в избрании на царство, словно Эсфирь, как только благодать Твоя отделяет недостойного. Именем Господа» [Ibidem]. Однако возложение короны не только призывает всех прочих упомянутых героинь, но и призывает благодать, в которой «блаженного Давида манило обещание, а сын его Соломон получил Его щедроты» [Ibidem, col. 44].

Список литературы

1. **Поньон Э.** Повседневная жизнь Европы в 1000 году / пер. с фр., комм. Э. М. Драйтовой; предисловие, научная редакция А. П. Левандовского. М.: Молодая гвардия, 1999. 363 с.
2. **Autrand F.** Charles V le Sage. Paris: Fayard, 1994. 903 p.
3. **Buc Ph.** Pouvoir royal et commentaires de la Bible (1150-1350) // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1989. Vol. 44. № 3. P. 691-713.
4. **Gy P.-M.** La Bible dans la liturgie au Moyen Age // *Le Moyen Age et la Bible Riche* / éd. de P. Riché, G. Lobrichon. Paris: Beauchesne, 1984. P. 537-552.
5. **Hedeman A. D.** The Commemoration of Jeanne d'Evreux's Coronation in the Ordo ad Consecrandum at the University of Illinois // *Essays in Medieval Studies: Proceedings of the Illinois Medieval Association*. 1990. № 7. P. 13-28.
6. **Le Trésor de l'Abbaye Royale de S. Denis en France.** Paris: De l'imprimerie de Chardon, 1768. 16 p.
7. **Leclercq J. (Dom.)** L'Idée de la royauté du Christ au Moyen Age. Paris: Les Editions du Cerf, 1959. 238 p.
8. **Leclercq J. (Dom.)** Sur les sermons du XIme siècle idée de la royauté du Christ au Moyen Age. Paris: Les Editions du Cerf, 1959. 256 p.
9. **Ordo ad inungendum et coronandum regem** // *Coronation Book of Charles V of France (Cottonian MS Tiberius B. VIII)* / ed. E. Dewick; Henry Bradshaw Society. L.: Harrison and Sons, 1899. Vol. 16. Col. 22-44.
10. **Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. Ordo ad inungendum et coronandum Regem** // *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789*: 29 vol. Paris: Belin-Leprieur, Verdrière, 1821-1833. Vol. 5. P. 237-253.
11. **The Coronation Book of Charles IV and Jeanne d'Evreux** / ed. J.-C1. Bonne, Le Goff J. // *Rare Books: Notes on the History of the Books and Manuscripts*. 1958. № 8. P. 1-12.

**“...DAVID’S GREATNESS IS GLORIFIED AND CONSECRATED...”:
OLD TESTAMENT CONNOTATIONS OF IMAGE OF POWER
IN THE FRENCH MONARCHY CORONATION *ORDO* OF 1364**

Pol'skaya Svetlana Anatol'evna, Ph. D. in History, Associate Professor
North-Caucasus Federal University
polskaya-sa@yandex.ru

The article analyzes the connotations of the Old Testament images of kings and prophets in the French monarchy inaugural protocol by the example of Charles V's coronation *ordo* of 1364 with a view to study the formation of the potestary model of supreme political power and its objective transformation under the Hundred Years' War conditions. The *ordo* of 1364 is distinguished by the inaugural protocol of a Queen, whose image is also based on the Old Testament archetypes: the latter are examined in the article.

Key words and phrases: Old Testament; coronation *ordo*; Charles V; ritual; inaugural ceremony; image of power.

УДК 791.43.03

Искусствоведение

В статье рассматривается художественная специфика кинодилогии Фрица Ланга «Пауки». Автор раскрывает причины обращения режиссера к жанру приключенческого кино, показывает связь его работы с эволюцией немецкого экспрессионизма и особенностями жизни в Германии после Первой мировой войны. Обсуждается положение о том, что диологию следует рассматривать не как творческую неудачу, а как цикл, сыгравший важную роль в становлении творческого почерка классика мировой кинематографии.

Ключевые слова и фразы: киноискусство; история художественно-игрового кино; экспрессионизм; приключенческий фильм; Фриц Ланг.

Роман Сергей Николаевич, к. филол. н.

Государственный гуманитарно-технологический университет
berbertolu44i@mail.ru

**ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
КИНОДИЛОГИИ ФРИЦА ЛАНГА «ПАУКИ» (1919, 1920) В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ГЕРМАНИИ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

При изучении художественного наследия великого немецкого кинорежиссера Фрица Ланга дилогия «Пауки» (1919, 1920) всегда понимается как зрелище, снятое начинающим автором исключительно ради денег и представляющее интерес лишь в качестве материала, в котором впервые проявились некоторые особенности творческой манеры будущего мастера, пытающегося найти своё место в мире искусства. Подобный подход нельзя считать полностью оправданным: уже в годы Первой мировой войны Ф. Ланг начинает писать сценарии фильмов «Хильда Уоррен и Смерть» (1917, режиссер Джо Май) и «Чума во Флоренции» (1919, режиссер Отто Рипперт), которые сочетают в себе элементы реализма, экспрессионизма, сюрреализма и в которых стиль Ланга уже является легко узнаваемым. Одновременно со съемками «Пауков» режиссер участвует в создании фильма «Кабинет доктора Калигари» (1920), причем, вопреки воле сценаристов, он вписывает в сценарий новые эпизоды, «превратив действие в галлюцинацию сумасшедшего» [4]. Таким образом, социальный пафос в ленте уступает место атмосфере алогичного ужаса, к которой Фриц Ланг вернется в своем творчестве ещё не раз. Как можно видеть на этих примерах, представления режиссера об искусстве складываются практически сразу после прихода в кинематограф. Он усложняет при помощи введения мистических мотивов даже бытовую драму Хильды Уоррен; создает историю Калигари, которая ложится в основу первого в мире фильма, показывающего измененные состояния человеческого сознания, – и при этом занимается съемкой «Пауков», изначально планируя снять 4 приключенческих фильма о противостоянии спортсмена Кая Хуга и тайной преступной организации. Данная статья является попыткой разобраться в причинах подобного поведения и рассмотреть вышедшие на экран два фильма в контексте всего творчества Фрица Ланга.

Старый изможденный человек с блуждающим взглядом бредет среди скал. Он выходит на ярко освещенное место и в восторге протягивает руки к Солнцу, в лучах которого все предметы оказываются невидимыми (засвеченными). Начальные кадры фильма воспринимаются как символические, являющиеся художественным воплощением мифологемы пещеры Платона. Если у древнегреческого философа человек, узревший истину, обязан вернуться обратно, к людям, ещё погруженным во тьму, то герой Фрица Ланга, только что бежавший от кровожадных потомков инков, взглянув на Солнце, перестает торопиться и начинает писать «Послание в бутылке» – именно так сформулирован первый субтитр-комментарий к фильму (в связи с тем, что до середины 70-х годов XX века фильм считался утраченным и сохранилась единственная копия